

Императоръ Николай Павловичъ и Цесаревичъ Константинъ Павловичъ въ ихъ письмахъ 1825—1831 гг.

(Ихъ характеристика и взаимныя отношенія) ¹⁾.

Въ того дня какъ Императоръ Николай Павловичъ вступилъ на престолъ, при совершенно исключительныхъ, можно сказать, безиримѣрныхъ въ исторіи обстоятельствахъ, между нимъ и Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ началась неофициальная переписка, которая поддерживалась самымъ дѣятельнымъ образомъ вплоть до кончины Цесаревича. Изданная въ текущемъ году Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ, она составила два объемистыхъ тома.

Письма, которыми августѣйшіе братья обмѣнялись съ 26 ноября 1825 г., съ кончины Императора Александра I по 15 іюня 1831 г., и въ которыхъ они „совершенно откровенно дѣлятся мыслями и взглядами по важнѣйшимъ вопросамъ военнаго дѣла, внутренняго управленія и внѣшней политики и говорятъ о событіяхъ, имѣвшихъ для нихъ интересъ семейный и личный, являются матеріаломъ первостепенной важности для характеристики Императора Николая Павловича и Цесаревича Константина Павловича, и для уясненія тѣхъ отношеній, которыя установились между отрекшимся отъ престола Цесаревичемъ и воцарившимся, въ силу этого отреченія, Государемъ“.

¹⁾ Сборникъ Императорскаго Русскаго Историческаго Общества. Т. 131 и 132. Спб. 1910. Переписка Императора Николая Павловича съ Великимъ Княземъ Цесаревичемъ Константиномъ Павловичемъ.

Н. К. Шильдеръ. Императоръ Николай Павловичъ. Его жизнь и царствованіе. Спб. 1903.

Очень характерно въ этомъ отношеніи письмо Николая Павловича къ Цесаревичу, коимъ онъ извѣщаетъ его о своемъ рѣшеніи подчиниться волѣ покойнаго Императора и его и вступить на престолъ.

„Припадая къ стопамъ Вашимъ, какъ братъ, какъ подданный, я молю Васъ о прощеніи, о благословеніи, дорогой, дорогой Константинъ, писалъ Государь ¹⁾, рѣшайте мою судьбу, приказывайте Вашему вѣрному подданному и рассчитывайте на его безпрекословное послушаніе. Что же, великій Боже, я могу сдѣлать, что могу сказать Вамъ? Вы имѣете мою присягу, я вашъ подданный, я могу лишь покоряться и повиноваться Вамъ; я сдѣлаю это, потому что таковъ мой долгъ, Ваша воля моего владыки, моего Государя, и который никогда не перестанетъ быть имъ для меня; но сжальтесь надъ несчастнымъ, единственное утѣшеніе котораго заключается въ убѣжденіи, что онъ исполнилъ свой долгъ и заставилъ другихъ сдѣлать то же самое...

„Теперь же съ чистою душою передъ Вами, мой Государь, передъ Богомъ, моимъ Спасителемъ, и передъ тѣмъ ангеломъ, которому я обязанъ былъ воздать этотъ долгъ, это обязательство, подыщите слово, какое хотите, я чувствую, но не могу выразить это, спокойно и безропотно покоряюсь я Вашей волѣ и повторяю Вамъ здѣсь клятву передъ Богомъ исполнить Вашу волю, какъ бы тягостна она ни была для меня. Я не могу сказать Вамъ ничего большаго: такъ я исповѣдался передъ Вами, какъ бы передъ самимъ Богомъ“.

Такъ, исполняя свой долгъ, принялъ Николай Павловичъ тяжелое наслѣдіе своего брата, по поводу котораго онъ говорилъ вдовствующей Императрицѣ, своей матери: „не знаю, кто приноситъ большую жертву, тотъ ли, кто отказывается (отъ престола), или тотъ, кто принимаетъ его при подобныхъ обстоятельствахъ“.

Замѣчательно чувство горячей любви и какого-то особаго благоговѣнія, съ какимъ Государь и Цесаревичъ относились къ памяти покойнаго Императора Александра I. Въ своихъ письмахъ они называютъ его не иначе, какъ „нашъ ангелъ“ или „благодѣтель“; Императоръ Николай Павловичъ многократно повторяетъ, что онъ смотритъ на себя лишь какъ на уполномоченнаго покойнаго Императора, призваннаго продолжать его дѣло и который долженъ быть каждое мгновеніе готовъ отдать ему отчетъ въ томъ, что онъ дѣлаетъ и что онъ намѣренъ дѣлать. Также смотрѣлъ и Константинъ Павловичъ, совѣтуя брату „ничего не мѣнять изъ того, что было сдѣлано

¹⁾ Письмо отъ 3-го декабря 1825 г.

нашимъ дорогимъ, прекраснымъ и обожаемымъ усопшимъ, какъ въ najważнѣйшихъ, такъ и въ малыхъ дѣлахъ“.

...Ничего не нужно выдумывать, дѣйствуя въ духъ покойнаго Императора, слѣдуетъ только поддерживать и укрѣплять то, что было сдѣлано имъ, и что стоило ему столько трудовъ“¹⁾.

Со своей стороны, Цесаревичъ обѣщалъ Государю направить всѣ свои усилія къ его услугамъ, въ силу долга, убѣжденій, „дружбы“, и „слѣдуя тому же образу дѣйствій, котораго онъ держался при жизни Императора Александра, откровенно высказывать ему свои взгляды“, въ чемъ, какъ онъ сознался въ одномъ письмѣ, „онъ подъ клятвою обязался передъ Александромъ“.

„Довѣріе, смѣю сказать безграничное, которое Его Величество, нашъ общій благодѣтель, благоволилъ оказать мнѣ, ручается вамъ за искренность и чистоту моихъ руководящихъ началъ, писалъ Цесаревичъ, я никогда не обманывалъ его; моя откровенность по отношенію къ нему, когда онъ призывалъ меня высказать ему правду, заслужила мнѣ его дружбу, смѣю выразиться такъ, безъ какого бы то ни было тщеславія. Постоянно повинуюсь его приказаніямъ, я оставлялъ въ сторонѣ свое мнѣніе, чтобы дѣйствовать сообразно его мнѣнію, нисколько не скрывая отъ него своего взгляда“.

„Безмолвное повиновеніе“—черта, характерная для Константина Павловича; это былъ девизъ, усвоенный имъ въ отношеніи къ Николаю Павловичу. Между тѣмъ на дѣлѣ онъ поступалъ не совсѣмъ такъ: повторяя чуть не въ каждомъ письмѣ изъявленія въ своей непоколебимой преданности и готовности безпрекословно подчиняться волѣ Государя, Константинъ Павловичъ очевидно не могъ побороть, ради государственныхъ интересовъ и спокойствія брата, своего личнаго неудовольствія и самолюбія настолько, чтобы оказать Государю ту нравственную помощь и поддержку, въ которой Николай Павловичъ такъ нуждался въ первое время по своему воцареніи. Несмотря на самыя настоятельныя, горячія просьбы Императора пріѣхать въ Петербургъ, Цесаревичъ упорно оставался въ Варшавѣ и не пріѣхалъ въ столицу, гдѣ его отсутствіе многими было превратно истолковано и создало Государю много лишняго горя и заботъ.

„Приглашеніе Ваше пріѣхать скорѣе не можетъ быть принято мною,—писалъ Цесаревичъ 2 (14) декабря 1825 г.,—и я объявляю Вамъ, что удалюсь еще дальше, если все не устроится согласно волѣ покойнаго нашего Императора“. Въ этихъ словахъ чувствуется какая-то затаенная досада и озлобленіе, отъ которыхъ Цесаревичъ никогда не могъ совсѣмъ отдѣлаться.

¹⁾ Письмо отъ 8-го (20) декабря 1825 года.

Императоръ и послѣ усмиренія декабрьскаго мятежа неоднократно выражалъ брату желаніе видѣть его въ Петербургѣ, полагая, что его пріѣздъ лучше всего могъ успокоить умы.

„Настроеніе умовъ очень хорошо, — писалъ Государь Цесаревичу 23 декабря, — и сдѣлается еще лучше, когда Васъ увидятъ здѣсь“, но Цесаревичъ продолжалъ упорствовать въ своемъ отказѣ пріѣхать въ Петербургъ.

„Не слѣдуетъ, чтобы я, благодаря своему присутствію, послужилъ предметомъ безпорядковъ или предлогомъ, какъ это уже случилось разъ, — отвѣчалъ онъ на просьбы Государя¹⁾, — прежде всего отчетливо разберитесь во всемъ, захватите всѣхъ этихъ мятежниковъ, такъ сказать укрѣпите себя на вашемъ мѣстѣ“.

Такимъ образомъ, несмотря на ясно выраженное желаніе и волю Императора, Константинъ Павловичъ не счелъ возможнымъ прибыть въ Петербургъ даже на погребеніе Императора Александра; при этомъ онъ считалъ свой образъ дѣйствій совершенно правильнымъ и себя правымъ, а всѣхъ прочихъ виноватыми.

„На его совѣсти, — говоритъ Н. К. Шильдеръ — нисколько не отразилась кровавая расправа 14 декабря и сопряженная съ нею кровавыя жертвы, вызванныя тѣмъ упорствомъ, съ какимъ онъ не хотѣлъ ѣхать въ Петербургъ“. Онъ настаивалъ на суровомъ наказаніи виновныхъ и просилъ брата хорошо обдумать свое дальнѣйшее поведеніе; „пусть Ваше милосердіе не увлечетъ Васъ слишкомъ далеко, — писалъ онъ... Какое счастье среди этого горя, что я не былъ въ Петербургѣ во время этого злополучнаго событія въ этотъ критическій моментъ, когда эта сволочь волновалась якобы во имя мое!.. Если это несчастное петербургское событіе, хотя оно и очень велико, можетъ водворить порядокъ въ остальной части имперіи, — это жертва, которая принесетъ извѣстную пользу; въ противномъ случаѣ, сволочь увидитъ, что еще имѣются честные люди, умѣющіе быть преданными, и что не все пройдетъ даромъ!“²⁾.

Государь посылалъ Цесаревичу для прочтенія весь матеріалъ, добытый слѣдственной комиссіей по дѣлу 14-го декабря. Перечитывая эти бумаги и не находя среди обвиняемыхъ польскихъ фамилій, Цесаревичъ радовался, что поляки къ этому дѣлу не причастны.

„Благодареніе Богу, — писалъ онъ Императору, — до настоящаго времени среди этихъ гнусныхъ открытій не скомпрометтировано имя кого бы то ни было изъ тѣхъ, которыхъ мой покойный благо-

¹⁾ Письмо отъ 30 декабря 1825 г.

²⁾ Письмо отъ 20 декабря ст. ст. 1825 г.

дѣтель соблаговолилъ ввѣрить моему начальствованію. Здѣсь все спокойно и удивлено и возмущено петербургскими ужасами“.

Но радость Цесаревича была не продолжительна; когда изъ показаній подсудимыхъ были обнаружены сношенія между членами тайныхъ обществъ и таковыхъ же обществъ, существовавшихъ въ Польшѣ, Цесаревичъ тотчасъ пытался выгородить виновныхъ поляковъ¹⁾.

„У насъ до настоящаго времени все, слава Богу, совершенно спокойно и, полагаясь на Его милость, надѣюсь, что такъ оно и продолжится—повторялъ онъ недѣлю спустя²⁾. Благоволите разрѣшить мнѣ, добрый братъ, представить Вамъ одно замѣчаніе по поводу всѣхъ сдѣланныхъ Вамъ показаній; мнѣ кажется, что эти несчастные русскіе, оказавшись по своему поведенію недостойными этого имени и видя, что до настоящаго времени среди скомпрометтированныхъ нѣтъ ни одного поляка, за отсутствіемъ доказательствъ, пытаются набросить на нихъ подозрѣнія; мой долгъ велитъ мнѣ обратить на это Ваше вниманіе въ виду того, чтобы тѣ, которые пользовались покровительствомъ покойнаго Императора, не сдѣлались жертвами интриги, подозрѣній и сомнѣній—замѣтите при этомъ, что всѣ сдѣланныя показанія заставляютъ подразумевать, что я задержанъ здѣсь, что я долженъ пріѣхать въ Петербургъ, и многое другое въ томъ же родѣ“.

Чтобы удостовѣриться въ томъ, что въ Варшавѣ все было спокойно такъ же, какъ при покойномъ Императорѣ, и что навѣты на поляковъ были не что иное, какъ самая грубая интрига, Цесаревичъ просилъ Государя³⁾ прислать въ Варшаву какое-нибудь довѣренное лицо, которое могло бы точно удостовѣриться въ этомъ.

Когда наконецъ въ участіи поляковъ въ заговорѣ, послѣ допроса арестованнаго князя Яблоновскаго, не оставалось никакого сомнѣнія, то Императоръ писалъ брату о необходимости прибѣгнуть къ мѣрамъ строгости. Цесаревичъ „не счелъ возможнымъ продолжать по-прежнему бездѣйствіе“ и учредилъ въ Варшавѣ слѣдственный комитетъ для открытія существовавшихъ тамъ тайныхъ обществъ; но когда въ захваченныхъ бумагахъ генерала Княжевича были найдены копіи писемъ, которыми обмѣнялись Императоръ Александръ и Костюшко въ 1814 г. „Цесаревичъ тотчасъ воспользовался этимъ, чтобы въ положительныхъ обѣщаніяхъ, данныхъ Императоромъ польскому патріоту, на которыхъ поляки основывали свои надежды найти оправданіе ихъ участія въ заговорѣ.

¹⁾ Письмо отъ 25 декабря 1825 г.

²⁾ Письмо отъ 7 января 1826 г.

³⁾ Письмо отъ 9 января 1826 г.

„Что же Вы хотите, чтобы послѣ столь положительныхъ обѣщаній, на которыхъ они основывали свои надежды, имъ говорили въ опроверженіе ихъ поступковъ и ихъ намѣреній“—писалъ Константинъ Павловичъ Императору¹⁾, на что послѣдній отвѣчалъ: „громадная разница, желать ли чего-либо почти обѣщаннаго или же предупреждать правительство въ его мѣропріятіяхъ путемъ тайныхъ и, слѣдовательно, преступныхъ средствъ“.

Что касается этихъ обѣщаній и вообще взгляда на польскій вопросъ, то на этой почвѣ произошло полное разногласіе въ взглядахъ между Государемъ и Константиномъ Павловичемъ.

Императоръ Николай Павловичъ твердо рѣшилъ соблюдать дарованную Польшѣ конституцію; но не хотѣлъ поддерживать мечтаній, порожденныхъ неопредѣленными обѣщаніями Александра Павловича, тогда какъ Цесаревичъ упорно отстаивалъ Александровскую точку зрѣнія, усвоенную имъ во время десятилѣтняго пребыванія въ Варшавѣ; онъ полагалъ справедливымъ исправить историческую несправедливость, совершенную Екатериною II, между тѣмъ какъ Императоръ явился защитникомъ русской государственной точки зрѣнія и признавалъ для русскаго монарха невозможнымъ какое бы то ни было посягательство на цѣлость Имперіи, и поэтому онъ былъ рѣшительнымъ противникомъ всякой мысли о присоединеніи къ Польшѣ Литвы, что составляло одно изъ тайныхъ желаній поляковъ.

Разсматриваемая нами переписка вполне уясняетъ взглядъ Императора и Цесаревича на этотъ вопросъ.

„Я остаюсь при глубокомъ убѣжденіи, писалъ Императоръ²⁾, что продолжать питать и поддерживать идеи, которыя завѣдомо невозможно осуществить вслѣдствіе неудобствъ, крайне важныхъ и влекущихъ серьезныя послѣдствія, значило бы совершенно не выполнять нашъ долгъ, какъ русскихъ. Вы сами высказали это Грабовскому: „будьте полякомъ, что же касается меня, я—русскій и останусь русскимъ“. Я же говорю: „будьте полякомъ, а я самъ буду тѣмъ и другимъ“. Такимъ образомъ я долженъ былъ бы перестать быть русскимъ въ своихъ собственныхъ глазахъ, если бы я вздумалъ вѣрить, что возможно отдѣлить Литву отъ Россіи въ чистомъ смыслѣ этого слова...“

„Моя совѣсть побуждаетъ меня, дорогой Константинъ, вернуться къ предмету³⁾, слишкомъ важному и для будущаго, въ виду ле-

¹⁾ Письмо отъ 15 (27) февраля 1826 г.

²⁾ Письмо отъ 14-го марта 1827 г.

³⁾ Письмо отъ 24 октября (5 ноября) 1821 г.

жащей на мнѣ отвѣтственности, чтобы я не рѣшился еще поговорить съ вами объ этомъ, рискуя встрѣтить съ вашей стороны противоположный взглядъ. Все время, пока я буду находиться на посту, на который вы и нашъ покойный ангелъ поставили меня, я не могу, не долженъ дѣлать ничего непослѣдовательнаго; въ виду этого я совершилъ бы одну изъ непростительнѣйшихъ непослѣдовательностей, если бы нисколько не заботился, чтобы мои поступки отвѣчали моимъ мыслямъ въ вопросѣ, составляющемъ одну изъ важнѣйшихъ сторонъ моихъ обязанностей. Пока я существую, я никакимъ образомъ не могу допустить, чтобы идеи о присоединеніи Литвы къ Польшѣ могли быть поощряемы, такъ какъ, по моему убѣжденію, это вещь неосуществимая, и которая могла бы повлечь за собою для Имперіи самыя плачевныя послѣдствія. При всемъ томъ это не мѣшаетъ мнѣ быть столь же хорошимъ полякомъ, какъ и хорошимъ русскимъ; я доказалъ и при каждомъ случаѣ буду доказывать это строгимъ и вѣрнымъ соблюденіемъ и охраненіемъ привилегій, которыя нашъ покойный ангелъ даровалъ королевству, но, пока я живъ, я не могу потерпѣть ни малѣйшей попытки сверхъ этого, направленной къ вреду Имперіи, въ чистомъ смыслѣ этого слова; вслѣдствіе этого я не могу питать, а еще менѣе поощрять, какія-либо подобныя надежды“. Насколько взглядъ Константина Павловича на этотъ вопросъ расходился со взглядомъ Государя, показываютъ слѣдующія строки:

„Что касается Литвы, то это тема слишкомъ длинная для письма, и въ особенности для письма, нацарапаннаго и сочиненнаго мною, писалъ онъ Государю. Благоволите разрѣшить мнѣ изложить мои мысли въ отдѣльномъ мемуарѣ, который я пришлю вамъ, какъ только онъ будетъ готовъ; но что я позволю себѣ высказать здѣсь, это то, что душою и сердцемъ я былъ, есть и буду, пока буду живъ, русскимъ, но не однимъ изъ тѣхъ слѣпыхъ и глупыхъ русскихъ, которые держатся правила, что имъ все позволено, а другимъ ничего. „Матушка наша Россія беретъ добровольно, наступивъ на горло“,—эта поговорка въ очень большомъ ходу между нами и постоянно возбуждала во мнѣ отвращеніе“... „Нѣтъ поляка, къ какой бы партіи онъ ни принадлежалъ, который не былъ бы убѣжденъ въ истинѣ, что его отечество было захвачено, а не завоевано Екатериною въ продолженіе трехъ произошедшихъ раздѣловъ, которая поступила такъ въ мирное время и безъ объявленія войны, прибѣгнувъ при томъ ко всѣмъ наиболѣе постыднымъ средствамъ, которыми побрезгалъ бы каждый честный человѣкъ. Одно лишь царство Польское было завоевано, и это было освящено договорами послѣ войны и явилось слѣдствіемъ заключенія мира; это чув-

ствуется всѣми и цѣлымъ свѣтомъ; завоеваніе есть плодъ побѣды, тогда какъ захватъ постыдный грабежъ, который рано или поздно падетъ на голову грабителя“.

Препровождая Императору составленную имъ записку по польскому вопросу, Цесаревичъ предпослалъ ей нижеслѣдующіе строки ¹⁾, ярко рисующія то душевное настроеніе, въ какомъ онъ находился, когда писалъ это письмо, не зная, какъ будутъ выслушаны и приняты его совѣты и соображенія, и какъ Государь объяснитъ побужденія, заставившія его изложить брату свои мысли.

„Благоволите позволить мнѣ, писалъ Цесаревичъ, представить Вамъ прилагаемую при семъ записку, внушенную мнѣ моею вѣрностью моимъ Государямъ въ теченіе минувшихъ тридцати двухъ лѣтъ. Долгій опытъ, непрерывныя наблюденія во все продолженіе моей службы, отсутствіе какихъ бы то ни было личныхъ видовъ, однимъ словомъ, одна лишь откровенность и прямотушіе нашли въ ней свое выраженіе съ ясностью, какую только я могъ вложить въ нее; прочтите ее съ вниманіемъ, милостиво, съ благоволеніемъ и снисходительностью. Покойный Императоръ приучилъ меня время отъ времени посылать ему подобныя записки и оставался доволенъ ими. Истина изложена въ ней такую, какую я понимаю ее; я не подчиняю истину мелочной и узкой политикѣ, а излагаю взгляды широкіе, великодушныя, благородныя и чистыя, которые предъ лицомъ всего міра покажутъ вамъ, чѣмъ долженъ быть Государь Великой Имперіи. Впрочемъ, если я ошибся, если мой поступокъ покажется Вамъ смѣлымъ или неумѣстнымъ, благоволите простить мнѣ его и признать въ немъ лишь проявленіе усердія и преданности Вашей августѣйшей особѣ; это послужитъ мнѣ предупрежденіемъ для будущаго не пользоваться правомъ, пріобрѣтеннымъ при нашемъ покойномъ Императорѣ, и котораго онъ приказывалъ и совѣтовалъ мнѣ держаться; много разъ онъ бранилъ меня за то, что я пользовался имъ со слишкомъ большою скромностью... Но не принимайте меня за самонадѣяннаго, осмѣливающагося давать Вамъ совѣты; какъ я далекъ отъ подобной мысли! Но чувства, излагаемыя брату и идущія изъ преданнаго сердца, не суть совѣты, а дань, воздаваемая ненарушимой привязанностью, питаемой къ нему. Однимъ словомъ, прочтите записку и поступите какъ Вамъ заблагоразсудится, а я выполнилъ долгъ моей совѣсти, безупречной и чистой передъ Богомъ, Вами и людьми“.

Какъ ни тяжело было Императору, по его собственнымъ словамъ, затрогивать этотъ вопросъ, но онъ считалъ своимъ долгомъ

¹⁾ Письмо отъ 31 окт. 1827 г.

передъ Богомъ и передъ Цесаревичемъ совершенно ясно и опредѣленно установить свое отношеніе къ польскому вопросу, „такъ какъ я никогда не буду въ состояніи обманывать Васъ, писалъ онъ, хотя-бы приходилось рисковать временно причинить Вамъ неудовольствіе“.

Получивъ и внимательно прочитавъ записку Цесаревича о польскомъ вопросѣ, Государь, въ своемъ отвѣтномъ письмѣ, продолжалъ настаивать на своемъ взглядѣ; онъ писалъ, между прочимъ:

„Мой долгъ, какъ честнаго человѣка, ослаблять эту надежду (о присоединеніи Литвы къ Польшѣ), насколько только я могу, во всякомъ случаѣ не поощрять ея явно, упорствуя при первомъ же представившемся наглядномъ случаѣ въ системѣ, раздѣлять которую я не могу. Вотъ, дорогой Константинъ, моя откровенная и прямодушная исповѣдь, какою она была бы передъ Богомъ“.

Не сочувствуя политикѣ Императора Александра въ польскомъ вопросѣ, Николай Павловичъ, съ присущей ему рыцарской лояльностью рѣшилъ однако поддерживать дарованную Польшѣ конституцію и прямодушно держалъ свое слово.

„Всякій честный человѣкъ, даже среди поляковъ, отдастъ мнѣ справедливость, говорилъ онъ, и скажетъ: „я ненавижу его, потому что онъ не исполняетъ нашихъ желаній, но я уважаю его, потому что онъ насъ не обманываетъ!“

Эти слова лучше всего освѣщаютъ основной взглядъ Государя на вопросъ, относительно котораго онъ остался твердъ и непоколебимъ. Говоря, что онъ считаетъ себя обязаннымъ быть столь же хорошимъ русскимъ, какъ и хорошимъ полякомъ, Государь былъ, видимо, вполне искрененъ, ибо онъ вскорѣ обратился къ Цесаревичу съ просьбою „избрать стараго, надежнаго, хорошо знающаго свое дѣло солдата фронтовика, умѣющаго говорить лишь по-польски“ и прислать его въ Петербургъ, чтобы онъ состоялъ при Наслѣдникѣ въ качествѣ *дядьки*, „какъ при немъ уже состоялъ одинъ изъ его полка, наблюдая за нимъ во время его игръ“ „Имѣя съ тою же цѣлью возлѣ себя поляка, писалъ Государь, онъ, самъ того не подозревая, приобрѣтаетъ привычку говорить по-польски“. „Необходимо, чтобы въ особенности польскій языкъ былъ, по возможности, настолько же близко знакомъ ему, какъ и русскій“.

Приведенныя выдержки изъ писемъ Николая Павловича вполне опредѣленно выясняютъ его взглядъ на польскій вопросъ, относительно котораго онъ не могъ быть единомысленнымъ съ Цесаревичемъ.

Теперь интересно установить, какъ обстояло дѣло относительно другого важнаго вопроса, касавшагося на этотъ разъ внѣшней политики, а именно отношенія Государя и Цесаревича къ Восточному вопросу.

Изъ первыхъ же писемъ, коими они обмѣнялись по поводу греческихъ дѣлъ, ясно видно, что они кореннымъ образомъ расходились во взглядахъ на этотъ вопросъ. Николай Павловичъ, съ первыхъ же дней своего царствованія, составилъ себѣ на этотъ счетъ вполне опредѣленный взглядъ, который легъ въ основу его дальнѣйшей политики по отношенію къ Турціи.

Герцогъ Веллингтонъ, прибывшій на погребеніе Императора Александра I въ качествѣ представителя лондонскаго правительства, послѣ первой же аудіенціи у Государя писалъ своему двору, что Императоръ имѣетъ совершенно опредѣленный взглядъ, что онъ руководится своимъ собственнымъ умомъ и что „въ русскомъ министерствѣ нѣтъ лицъ, которыя могли бы на него вліять“.

Поставивъ себѣ за правило обо всемъ совѣтоваться съ Цесаревичемъ, Николай Павловичъ коснулся въ своихъ письмахъ къ нему греческихъ дѣлъ.

„Веллингтонъ находится здѣсь съ четверга,—писалъ Государь 20 февраля 1826 г.—При первомъ же свиданіи онъ сказалъ мнѣ, что облеченъ порученіемъ со стороны своего правительства—предложить мнѣ, вдвоемъ, Россіи и Англій, покончить съ греческимъ вопросомъ; притворился изумленнымъ и далъ ему свободу высказаться, послѣ чего объяснилъ ему, что могу принять то, что онъ говорилъ, какъ совершенно новый вопросъ. Что касается интересовъ Россіи въ отношеніи Порты, однимъ словомъ, нашихъ претензій, въ виду рѣшенія, принятаго Его Величествомъ Императоромъ, прервать всякіе дальнѣйшіе переговоры или сношенія со дворами, неприкосновенными къ этому дѣлу, то я, конечно, не могу или что-либо измѣнить въ этомъ, или же погрѣшить передъ памятью нашего ангела, или передъ своимъ словомъ, уклонившись отъ образа дѣйствій, котораго онъ, такъ сказать, завѣщаль мнѣ держаться¹⁾).

Цесаревичъ, не питавшій, вообще, довѣрія къ Сентъ-Джемскому кабинету и не сочувствовавшій его политикѣ, которую онъ называлъ „меркантильной и своекорыстной“, не могъ одобрить совмѣстныхъ выступленій Россіи съ Англійей; онъ писалъ:

„Все, что вамъ говорилъ Веллингтонъ по поводу греческаго вопроса, нисколько не удивило меня; я такъ и зналъ, что это и есть истинная цѣль его пріѣзда. Во всякомъ случаѣ, Турецкій вопросъ и наше положеніе въ отношеніи турокъ—вещь щекотливая и изъ крайне сложныхъ.

...Одно занятіе княжествъ, даже безъ нарушенія неприкосновенности турецкой территоріи, само по себѣ является враждебнымъ

¹⁾ Письмо отъ 4 марта 1826 г.

дѣйствиємъ въ отношеніи ихъ и оно повлекло бы за собою страшное возбужденіе и сотрясеніе во всей Европѣ... Помимо того, къ чему Васъ приведетъ занятіе княжествъ, и въ чемъ заключается цѣль, которой Вы хотите достигнуть? Стѣсняетъ ли Васъ то небольшое количество турецкихъ войскъ, которое находится тамъ? Я не думаю этого. Для того ли, чтобы возстановить вашу торговлю на Черномъ морѣ? Или для того, чтобы тѣмъ испугать турокъ?... Помимо того, я увѣренъ, что разъ княжества будутъ заняты, Вы увидите въ Балтійскомъ морѣ англійскій флотъ... Вы мнѣ пишете, что Ваши финансы въ неудовлетворительномъ положеніи; какъ же Вы хотите тогда начать военныя дѣйствія, разъ для веденія войны нужны деньги, деньги и деньги.... Я прибавлю поэтому то, что покойный Уваровъ говорилъ постоянно покойному Императору, что начать войну—въ его власти, но что кончить ее зависитъ отъ обстоятельствъ и событій, а я не думаю, чтобы его можно было заподозрить въ боязливости или трусости. Вотъ мои убѣжденія, дорогой братъ, такія, каковы они у меня въ сердцѣ и умѣ; я передаю Вамъ ихъ всецѣло, дѣлайте съ нимъ, что Вамъ угодно и, несмотря на свои взгляды, я готовъ дѣйствовать и исполнять Ваши приказанія, отстранивъ всякія разсужденія, и какъ будто объ этомъ не было и рѣчи“.

Спеціально по поводу греческихъ дѣлъ Цесаревичъ высказался въ одномъ изъ своихъ писемъ такъ ¹⁾:

„Позволю себѣ замѣтить, что турецкія дѣла одно, а греческія—другое. Я не понимаю, какъ можно требовать отъ первыхъ, чтобы они управляли вторыми тѣмъ или инымъ образомъ; если это такъ, то можно было бы съ такою же справедливостью потребовать отъ нихъ, чтобы мы управляли тѣми или иными нашими подданными, точно также сообразуясь съ интересами сосѣдей, можетъ быть я не понимаю, что я говорю, но свойственная мнѣ откровенность обязываетъ меня изложить Вамъ мои мысли такъ, какъ онѣ приходятъ мнѣ въ голову, ибо въ моихъ глазахъ справедливость вездѣ одна и она незыблема; старая пословица гласитъ: „не дѣлай другому того, что не хочешь, чтобы дѣлали тебѣ“.

Неожиданное событіе—Наваринское сраженіе, явившееся непосредственнымъ результатомъ соглашенія, заключеннаго въ Лондонѣ по греческому вопросу, послуживъ поводомъ къ войнѣ съ Турціей,—было воспринято Государемъ и Цесаревичемъ совершенно различно.

Императоръ Николай былъ чрезвычайно доволенъ одержанной

¹⁾ Письмо отъ 24 марта 1828 г.

побѣдой и писалъ Цесаревичу ¹⁾, что „дѣйствуя въ подобномъ случаѣ столь же рѣшительно противъ грековъ, мы докажемъ, что въ этомъ дѣлѣ мы не являемся ни греками, ни турками, но что настойчиво продолжаемъ прилагать всѣ наши усилія, чтобы заставить прекратить эту позорную борьбу съ той и съ другой стороны, и что мы желаемъ лишь порядка и спокойствія“.

Иначе смотрѣлъ на послѣдствія, какія могло имѣть это сраженіе, Константинъ Павловичъ. „Что касается Наваринской побѣды, отвѣчалъ онъ Императору ²⁾, то признавая храбрость и доблесть нашего флота и изъ глубины сердца поздравляя его съ этимъ, я въ то же время могу лишь сожалѣть и о причинахъ, и о результатахъ, и о неисчислимыхъ послѣдствіяхъ этой морской побѣды. Англичанинъ, какъ истый Макіавель, сумѣлъ воспользоваться положеніемъ русскаго и французскаго, которые во всякомъ случаѣ, будучи прижаты къ стѣнѣ, не могли сдѣлать ничего другого, какъ принять предложеніе сражаться, чтобы не навлечь на себя обвиненія въ трусости. Русскій попалъ въ это положеніе по своему чистосердечію, французъ по своей глупости и одинъ англичанинъ для своихъ выгодъ, уничтожая флотъ, каковъ бы онъ ни былъ, который могъ бы вызывать въ немъ хоть нѣкоторыя опасенія, такъ какъ онъ принялъ за правило не относиться съ пренебреженіемъ ни къ одному челну на водѣ. Простите, дорогой братъ, что я Вамъ излагаю эти мысли: онѣ не имѣютъ никакого значенія, такъ какъ высказываются Вамъ человекомъ, удѣлъ котораго—ничтожность, но я долженъ такъ поступить въ силу моей прямоты и откровенности и какъ бы платя дань откровенности, составляющей мой долгъ въ отношеніи къ Вамъ, и такъ какъ я не могу и не долженъ скрывать отъ Васъ что бы то ни было: таковъ былъ мой образъ дѣйствій въ отношеніи нашего почившаго безсмертнаго Императора, и онъ останется неизмѣнно такимъ же въ отношеніи къ Вамъ до тѣхъ поръ, пока Вы не прикажете поступать иначе“.

Въ своемъ отвѣтѣ на это письмо, Императоръ Николай даетъ оцѣнку политическаго значенія Наваринской битвы:

„Наваринское дѣло, какъ оно ни было пагубно для турокъ, является только естественнымъ и законнымъ слѣдствіемъ договора³⁾, задолго до того объявленнаго Портѣ и объявленнаго потому, что это было единственнымъ средствомъ прекратить порядокъ вещей, несо- вмѣстимый съ законнымъ порядкомъ въ этой части вселенной. Турція не

¹⁾ 12 ноября 1827 г.

²⁾ 20 ноября 1827 г.

³⁾ Лондонскій трактатъ, заключенный 6 іюля 1827 г.

могла покончить одна борьбу, которую какъ съ той, такъ и съ другой стороны, Англія покончила бы своими собственными средствами и такъ, какъ это удобно ей; я не могъ потерпѣть этого, такъ какъ это значило бы добровольно уступить ей право дѣлать тамъ то, что ей заблагоразсудится въ исключительныхъ цѣляхъ не блага дѣла вообще, а блага ея исключительныхъ интересовъ. Поэтому было необходимо принудить ее обязатья предъ лицомъ всей Европы отказаться отъ какихъ бы то ни было видовъ на исключительныя преимущества въ этихъ странахъ; вотъ смыслъ договора 6-го іюля. Франція примкнула къ нему изъ недовѣрчивости, и тѣмъ лучше: такимъ образомъ онѣ обѣ связаны; мы являемся во всемъ этомъ противовѣсомъ или антидотомъ; слѣдствіемъ этого будутъ не республика или республики, а прекращеніе враждебныхъ дѣйствій со стороны турокъ или грековъ; послѣднихъ же мы вскорѣ въ свою очередь заставимъ образумиться, и возстановленіе въ этихъ краяхъ свободы торговли—обстоятельство слишкомъ важное для всего нашего юга, чтобы я могъ довѣрить попеченіе о немъ англичанамъ или даже самому другу Меттерниху. Теперь, если войнѣ суждено произойти, она будетъ крайне прискорбнымъ и даже весьма вѣроятнымъ слѣдствіемъ безразсудства турокъ, но здѣсь уже мнѣ невозможно что бы то ни было предусмотрѣть заранѣе“.

Цесаревичъ не могъ стать въ восточномъ вопросѣ на точку зрѣнія Николая Павловича и остался яримъ противникомъ освобожденія Греціи отъ турецкаго ига, признавая греческое дѣло всецѣло „якобинскимъ дѣломъ“.

Четыре мѣсяца спустя послѣ Наваринскаго сраженія, война съ Турціей стала совершившимся фактомъ. „Мы получили знаменитый манифестъ или декларацію турокъ“—писалъ Государь 17 (29) февраля 1828 г.: „это предрѣшаетъ будущее и теперь ясно видно, что намъ остается дѣлать. Мое рѣшеніе принято: оно неизмѣнно (irrévocable) и въ этомъ отношеніи турки оказали намъ услугу. Я не знаю еще, какъ поступить Англія; я имѣю основаніе думать, что Франція останется вѣрна своимъ обязательствамъ, и поэтому я надѣюсь, съ помощью Божьей, что будетъ достаточно одной оккупациі княжества“.

Война уже началась, а Константинъ Павловичъ все еще предостерегалъ Государя отъ опрометчивыхъ рѣшеній, совѣтовалъ ему избѣгать разрыва съ Турціей, намекая на возможность непріязненныхъ дѣйствій со стороны Австріи и Пруссіи; онъ ссылался даже на авторитетъ Суворова.

„Во всякомъ случаѣ дѣйствуйте спокойно, безъ поспѣшности и легкомыслія и позвольте мнѣ Вамъ напомнить слова фельдмаршала

Суворова, который говорилъ: „глазь впередъ, глазь назадъ, глазь направо, глазь налѣво“, присовокупляя, несмотря на свою ненависть къ отступленіямъ, что прежде чѣмъ сдѣлать шагъ впередъ, нужно посмотрѣть назадъ, чтобы убѣдиться, не слѣдуетъ ли сдѣлать въ этомъ направленіи два шага или четыре“.

Когда же Императоръ выразилъ Цесаревичу желаніе двинуть польскую армію въ Турцію, чтобы сражаться рядомъ съ своими русскими собратьями за правое христіанское дѣло, то миролюбивый Цесаревичъ, смотрѣвшій на это какъ на дѣло неполитическое, несвоевременное и *предосудительное* для *легитимности*, пришелъ въ ужасъ и сталъ упорно отстаивать ввѣренную ему польскую армію „отъ привлеченія къ ненавистному ему дѣлу“.

„Эта война лишь дѣло либерализма, писалъ Цесаревичъ; и потому столь превозносится тѣми, которые ему покровительствуютъ, и мнѣнія которыхъ (горжусь тѣмъ) я не раздѣляю теперь, быть можетъ, болѣе чѣмъ когда-либо, по слабому моему разумѣнію, не съ востока можемъ мы ожидать зла, но съ запада, изъ этого очага всякихъ возмутительныхъ мыслей“.

Въ перепискѣ, возникшей между Императоромъ и Цесаревичемъ по поводу участія польской арміи въ войнѣ, Константинъ Павловичъ „систематически старался внушить Государю опасеніе насчетъ предстоящихъ враждебныхъ дѣйствій противъ Россіи, какъ Австріи, такъ и Пруссіи; въ особенности онъ старался систематически внушить Императору недоувѣріе къ намѣреніямъ прусскаго правительства“, „обвинялъ прусское правительство въ приготовленіяхъ къ войнѣ, сообщалъ свѣдѣнія о мобилизаціи 5-го и 6-го корпусовъ, объ укрѣпленіяхъ порта и пр.“.

„Что касается восточныхъ дѣлъ, писалъ Цесаревичъ, такъ какъ Вы говорите о нихъ со мною, то я считаю своимъ долгомъ не скрывать отъ Васъ своего мнѣнія... Западъ боялся нашей физической силы, съ которой мы могли напасть на него, если бы онъ зашевелился; въ настоящее время, когда наши силы разрознены, онъ не внушаютъ такого страха и наши западные враги получаютъ возможность дѣйствовать, какъ имъ заблагоразсудится. Въ силу этого, западъ, такъ сказать, освободился отъ нашего наблюденія. Я говорю объ этомъ въ общемъ, ибо каждое потрясеніе, какое бы то ни было, есть посягательство на Ваше достоинство (*dignité*) и на Ваше могущество. Западъ захотѣлъ создать намъ хлопотъ на востокѣ, и это ему удалось“.

Высказываясь такъ опредѣленно и стараясь повліять на Императора, Константинъ Павловичъ, по своему обыкновенію, спѣшитъ говориться.

„Я никогда не позволю себѣ, дорогой братъ, писалъ онъ, намѣчать Вамъ начала, которыхъ Вы должны придерживаться, какъ Вы пишете это, и если иногда я высказываю Вамъ съ присущею мнѣ откровенностью истину, — то, что я признаю истиною въ душѣ, — это является не чѣмъ инымъ, какъ слѣдствіемъ привычки, привитой обыкновеніемъ поступать такъ въ отношеніи нашего покойнаго безсмертнаго Императора и побуждающей меня дѣйствовать подобнымъ образомъ, и слѣдствіемъ священнаго слова, даннаго ему мною поступать такъ и въ отношеніи Васъ, какъ только его не станетъ, что онъ потребовалъ отъ меня подъ клятвою“.

Пока происходилъ этотъ обмѣнъ мнѣній, „моментъ для своевременнаго выступленія польской арміи былъ упущенъ. Но Императоръ не сразу отказался отъ своей мысли; онъ потребовалъ, по крайней мѣрѣ, хотя бы высылки въ дѣйствующую на Дунаѣ армію нѣкотораго числа польскихъ офицеровъ: „*pour croiser et fraterniser les uniformes*“. Но и это скромное желаніе Государя встрѣтило противодѣйствіе со стороны Цесаревича; однако Императоръ настоялъ на своемъ, и Цесаревичъ долженъ былъ покориться Высочайшей волѣ: польскіе офицеры, хотя и въ ограниченномъ числѣ (18 офицеровъ квартирмейстерской части и инженернаго корпуса), явились среди русской арміи на Балканскомъ полуостровѣ, къ величайшему удовольствію Государя“.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1828 г. Императоръ Николай Павловичъ самъ отбылъ къ арміи, чтобы принять личное участіе въ военныхъ дѣйствіяхъ и передъ отъѣздомъ обратился къ Цесаревичу, съ слѣдующимъ глубоко прочувствованнымъ прощальнымъ письмомъ:

„Насталъ моментъ, писалъ Государь ¹⁾, когда мнѣ остается только сообщить Вамъ о своемъ отъѣздѣ въ армію. Такъ какъ всякая надежда на возможность избѣжать войны окончательно потеряна, то мнѣ ничего иного не остается; я принялъ это рѣшеніе съ надеждою на Божье покровительство, которая никогда не покидаетъ меня въ критическіе моменты моей короткой, но богатой чрезвычайными событіями жизни“.

„Позвольте мнѣ, дорогой Константинъ, принести Вамъ здѣсь заранѣе мои поздравленія съ приближающимся днемъ Вашего ангела; пусть Божественное Провидѣніе осыплетъ Васъ во всемъ всѣми своими благословеніями; пусть Вы останетесь въ отношеніи ко мнѣ постоянно однимъ и тѣмъ же; и въ эту торжественную минуту, когда, быть можетъ, на небесахъ начертано, что я долженъ найти смерть въ этой войнѣ, вѣрьте, что я служилъ Вамъ съ такою же

¹⁾ Письмо отъ 19 апрѣля 1828 г.

преданностью, и что я испущу послѣднее дыханіе съ тѣмъ же чувствомъ нѣжности и признательности къ Вамъ, которыя постоянно руководили мною во всѣ мгновенія моей жизни; если такова въ самомъ дѣлѣ воля Божія, я покину жизнь съ сознаниемъ, что исполнилъ свой долгъ, какъ честный человѣкъ, и съ сожалѣніемъ, что не могъ быть больше полезнымъ моему дорогому отечеству. Подумайте же тогда о моей бѣдной женѣ, объ этомъ ангельскомъ существѣ, которому я обязанъ всѣми счастливыми моментами моей жизни за эти послѣднія одиннадцать лѣтъ; не откажите замѣнить для нея отца и друга; продолжайте оказывать Ваше расположеніе моимъ дорогимъ дѣтямъ и въ особенности бѣдному, несчастному, которому придется замѣнить меня; однимъ словомъ, знайте тогда, что въ мірѣ однимъ существомъ, преданнымъ Вамъ, станетъ меньше. Благословите меня и не откажите въ прощеніи моихъ, конечно невольныхъ, прегрѣшеній въ отношеніи Васъ“.

В. Тимошукъ.

